теж є досить промовистим фактом. З цього часу в професійний лексикон рекламістів активно входить англійська термінологія, окремими рубриками друкуються праці авторитетних зарубіжних дослідників Вона вже не критикує зарубіжний досвід, а орієнтується на нього.

Сьогодні критика у світлі рецептивної теорії вже не відіграє ролі єдино можливих правильних висновків, а окреслює простір бачення конкретного індивіда. Така критика не претендує на однозначність викладених думок, а є лише рецептивною реакцією на експансію пропонованого твору. Тому дедалі популярнішими стають рекламні зауваги, які просто відображають думку конкретного реципієнта. Показовим також для сучасної реклами (як і для доби) є те, що вона провокує рецептивну свідомість до активного сприйняття, до рефлексій, як це, наприклад виявляється в рекламному слогані журналу "Кореспондент": "Журнал "Кореспондент": Висновки роби сам".

Ще одним надзвичайно цікавим аспектом проблеми стає реклама книжкової продукції, також значною мірою ангажована. Зрозуміло, чому ще донедавна широко рекламувалися книги: "Хроніка помаранчевої революції" та "Обличчя помаранчевої революції".

Отже, як і всі інші жанрові форми, зокрема критика, реклама, безперечно, є ферментом, продуктом, презентацією сучасної їй доби.

- 1. Медунов С. Судите сами // Реклама. 1972. №3. С.22-24.
- 2. *Черняховский В*. Европа-92: новый рынок, новые задачи // Реклама. -1990. № 2. С.22-23.

И.Ю. Тонких

Запорожский национальный университет

РОЛЬ ЧЕРНОГО ЦВЕТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО СЮЖЕТА В ТРАГЕДИИ М.ЦВЕТАЕВОЙ «АРИАДНА»

Трагедия М. Цветаевой «Ариадна» разрабатывает сюжет, который развивался и активно функционировал в литературе на протяжении столетий: в XVII в. об Ариадне писали О. Ринуччини, А. Арди, Лопе де Вега, Т. Корнель, в XVIII в. – П.Я. Мартелло, И.К. Брандес, в XIX в. – И.Г. Гердер, в XX в. – Э. Людвиг, П. Эрнст. Мы называем данный сюжет традиционным, руководствуясь следующим определением: «Традиційним слід уважати сюжет, який переходить від покоління до покоління, від однієї літературної доби до іншої, тобто такий, який зберігається й активно функціонує впродовж значного історичного часу» [1, 4]. Каждый

традиционный сюжет развивается, «претерпевая в зависимости от требований заимствующей культуры существенные формально-содержательные изменения» [5, 8].

Марина Цветаева осуществляет полное заимствование с точки зрения сюжетообразующих компонентов: сохраняются все мифологические персонажи, время и место действия. Однако при этом сюжет растет вглубь, наполняясь богатым индивидуально-авторским содержанием. Особенности цветаевской интерпретации можно проследить на примере символики черного цвета в трагедии.

Исследователи творчества М. Цветаевой неоднократно заявляли о важности цветообозначений в ее произведениях. Так, Ю.В. Пухначев отмечает, что «звук нередко обретает пластическое воплощение», «цвет присутствует наряду с формой», «слова музыкального и живописного лексиконов перемежаются, перемешиваются друг с другом» [6, 70]. Особую семантическую нагрузку приобретают черный и белый цвета. По подсчетам Л.В. Зубовой, черный цвет упоминается в лирике Цветаевой 151 раз, белый — 132 раза. Синий, красный, желтый, розовый, зеленый цвета, также имеющие определенные символические значения, встречаются реже. На наш взгляд, это связано с особым мировосприятием автора. Жизнь осознается поэтом через призму полярных понятий, бинарных оппозиций, элементы которых — крайние точки спектра: черный — белый, счастье — страдание, встреча — разлука и т.п. Срединные, промежуточные категории не представляют для Цветаевой большого интереса, так как не являются максимальным, концентрированным воплощением тех или иных значений.

Нередко цвета обретают символическое значение только в парах, противопоставляясь друг другу. При этом Цветаева ломает традиционные стереотипы интерпретации цветообозначений. Так, Л. Зубова пишет: «Черное связано у Цветаевой прежде всего с высоко ценимым ею понятием страсти, а белое — с бесстрастием. Черный цвет связан обычно с миром ее лирического субъекта, а белый — с чуждым ей миром» [2, 118]. Р. Курланд и Л. Матус справедливо отмечают: «Поэзии Цветаевой

присуще переосмысление общеязыковой семантики и символики слов, необычное и не свойственное общенародному употреблению лексическое окружение слова. <...> Главным в словоупотреблении Цветаевой является привычных «черный» слов «белый» изменение смыслов И противоположные. Если с понятием «черное» обычно связывается отрицательное, а с понятием «белое» – положительное, то у М.Цветаевой – «черное» имеет позитивное содержание, а «белое» напротив: негативное» [4, 92]. И хотя с мнением исследователей невозможно не согласиться, все же нам представляется, что не противопоставление черного и белого, не изменение их значений на противоположные являются основными творчестве элементами символики цвета трансформации Цветаевой. Антитеза ЛИШЬ начальный этап

традиционной пары «черное – белое». Следующий шаг – «обмен» значениями, а затем – смешение, синтез понятий в качественно новую категорию. Цветаева всегда «подозревает» белое в черном и понимает черное через белое. (Примером подобного толкования может стать стихотворение «Суда поспешно не чини...»).

Нам ближе точка зрения Ю. Иваска, который отмечает свойственное всему творчеству Цветаевой гармоничное единство противоположных понятий: «Романтическое в классическом, «стихийное» в «логическом», Дионис в Аполлоне, эрос в логосе, стихия в системе — вот главная поэтическая задача Цветаевой…» [3, 75].

Иногда цветообозначения сохраняют у Цветаевой свою традиционную семантику. Так, в трагедии «Ариадна» черный цвет парусов Тезея — цвет скорби, траура, проклятья. Но скорбная песнь хора юношей превращается, на наш взгляд, в оду черному цвету:

В час раздавшихся расселин — Ax! - u сдавшихся надежд! — Черный, черный оку — зелен, Черный, черный оку — свеж. <...> В час, как все уже утратил, В час, как все похоронил, Черный, черный оку — красен. Черный, черный оку — мил. <...> В час, как розы не приметил, В час, как сердцем поседел,— Черный, черный оку — светел, Черный, черный оку — бел [7, 265].

Черный может заменить человеку все остальные цвета, он способен поглотить их, растворить в себе. В страдании все краски меркнут, остается только черная. Горюя о покинутой Ариадне, Тезей не просто забывает сменить черные паруса на белые — он не замечает траурного цвета, так как это — единственный цвет беды; для страдающего человека самый белый цвет — это черный. Таким образом, ни на шаг не отступая от сюжетной канвы древнегреческого мифа, в котором также присутствует корабль с черными парусами, Цветаева наполняет традиционное содержание неповторимым, субъективным, индивидуально-авторским толкованием. Черный — цвет страдания, но негативного оттенка в данном значении нет, так как страдание — высшее проявление любви для Цветаевой, это категория, занимающая одну из главенствующих позиций в системе ее жизненных приоритетов.

Цветаевская трактовка традиционного сюжета отличается еще и тем, что в мифе возвращение Тезея под черными парусами воспринимается как трагическая случайность, у нее же — это вполне закономерная неизбежность. Цветаевский Тезей НЕ МОГ приплыть НЕ под черными парусами. Главный герой совершил роковую ошибку: он отдал Ариадну

Дионису, и за это будет расплачиваться всю жизнь, отныне он проклят черным цветом прощания и предательства:

Посему под сим злорадным Знаком – прибыли пловцы. Пребелейшей Ариадны Все мы – черные вдовцы [7, 265].

Итак, даже в том случае, когда черный цвет традиционно символизирует траур и печаль, доминантное значение обогащается дополнительными, часто противоположными по смыслу.

Корабль с черными парусами – предвестник будущих катастроф. Это символ, чрезвычайно важный не только для интерпретации «Ариадны», но и для понимания всего творчества Цветаевой, и даже ее личности. Для нее любая любовь – это корабль с черными парусами, так как даже в самом начале любви она всегда предчувствует потерю, расставание, так же, как в счастье подозревает страдание, черное – в белом, и наоборот. Но в этом случае черные паруса символизируют не траур, а скорее, торжество страдания – великой способности человеческой души – над отупляющим сытым счастьем, в котором душа мельчает: «Между полнотой желания и исполнением желания, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь» [7, 282]. «Потому что, когда любишь, всегда прощаешься. Только и любишь, когда прощаешься» [7, 292]. «Оттого ли, что я маленьким ребенком столько раз своею рукой писала: «Прощай, свободная стихия!» – или без всякого оттого – я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть» [7, 299].

Можно утверждать, что Цветаева — новатор не столько в изменении традиционного смысла понятий, сколько в трансформации отношения к этим понятиям. Таким образом происходит аксиологическая переакцентуация.

- 1. *Волков А., Рихло П., Бойченко О.* Наскрізні сюжети і образи в літературах Європи. Чернівці-Київ: Рута, 1998. 64 с.
- 2. *Зубова Л.В.* Поэзия М.Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.-260 с.
- 3. Иваск Ю. Цветаева // Звезда. 1992. №10. С.73-77.
- 4. *Курланд Р., Матус Л.* Символическое значение слова в поэзии // Современные проблемы русской филологии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. С. 91-94.
- 5. *Нямцу А.Е.* Традиционные сюжеты и образы в литературе XX в. Киев: УМК вО, 1988. 82 с.
- 6. *Пухначев Ю.В.* Пространство Цветаевой // Число и мысль. М.:Знание, 1981. С. 55-80.
- 7. *Цветаева М.* Избранное. М.: Просвещение, 1989. 367 с.